

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

БЕЛЫЕ СТЯГИ ПОБЕДЫ

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
К14

Серия «Волшебные миры» основана в 2017 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Макс Олин*

Казаков, Дмитрий
К14 Белые стяги победы / Дмитрий Казаков. — М. : «Снежный
Ком М», 2019. — 288 с. — (Волшебные миры).

ISBN 978-5-6041334-4-6

Один из троицы — юный завоеватель, уже покоривший полмира и не собирающийся останавливаться на достигнутом. Вторая — дочь древнего поверженного рода, которую с детства готовили в посвященные кровавого божества. Третий — наемник, воюющий не за деньги, а ради мести. Их свела вместе и понесла за собой война, но у каждого свои цели и ждут ли их в конце белые стяги победы?

Фирменный динамичный и мрачноватый стиль Дмитрия Казакова: настоящее фэнтези, кровавые схватки, неожиданные повороты сюжета — на фоне масштабной интриги.

Встречайте вторую книгу цикла «Наследие Вечного»!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6041334-4-6

© Казаков Д., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2019
© Оформление. Олин М., 2019

Часть 1

Трещины

1. Герой. Сейчас

Дрожание неопределенности на самой грани доступного Ардил ощутил, едва его конь вступил на площадь перед Храмом Бессмертных. Отметил, как повернул голову ехавший впереди сотник гвардии, Серебряных Крыльев, как с крыши дома напротив святилища с карканьем сорвалась ворона, услышал противное жужжание, увидел, как мельтешат над грязной лужей черно-зеленые точки навозных мух, как взблескивают на солнце их крылышки...

А в следующий миг события понеслись, точно укушенный оводом кентавр.

Магическая молния ударила Ардилу в лицо, но столкнулась с мгновенно созданным щитом и разбилась на десятки шипящих длинных искр. Одна попала на плащ сотника, и тот запылал, будто высохшая трава, испуганно заржала лошадь, попытавшаяся сбросить наездника, но он натянул поводья и удержался в седле.

Жужжание стало громче, мухи устремились в сторону Ардила.

Он вздрогнул от отвращения, но погасил его усилием воли, и сознание привычно раздвоилось — теперь видел одновременно мир и его изнанку, предметы и светящиеся

поля энергии, и одно накладывалось на другое, образуя яркую, непредставимую для обычного смертного картину.

— Ого... — только и произнес Ардил, поняв, что за «насекомые» летят к нему.

То, что простому взгляду казалось летучими тварями, предстало отражением хитро закрученного, многократно дублированного заклинания, созданного с помощью алхимии. В каждой «мухе» спрятана крохотная частичка тормозящего движения жертвы замутняющего сознание яда, что подействует только на мага, на того, кто обладает активной энергетической проекцией.

Рой, вихрь гнилостно-зеленоватых искорок, нацеленных на него, на Ардила...

Словно издали донеслись приглушенные хлопки, гвардеец, ехавший справа, вылетел из седла, второй успел вскинуть щит, и по нему забарабанило нечто похожее на металлический град. Нападавшие пустили в ход арбалеты, а все, что было ранее — и молния, и «мухи» — требовалось, чтобы отвлечь, не дать хозяину Гардза сосредоточиться, и наверняка будут еще «сюрпризы».

Тот, кто собрался лишить Ардила жизни, знал, с кем имеет дело.

Первая «муха» ткнулась в лоб, он ощутил укус, похожий на пчелиный, и по лицу поползло онемение, кожу неприятно стянуло. Вторая попыталась вонзиться в ухо, ввинтиться в ушную раковину, но исчезла в короткой вспышке — начало действовать контрзаклинание, от рук и плеч навстречу зеленым искоркам взлетели сотни красных огоньков.

Создал собственный фантом — «насекомые», прорвавшие заслон, атаковали его.

Металлический грохот и истошное ржание возвестили, что закрывавший Ардила гвардеец рухнул вместе с конем — любые доспехи рано или поздно будут пробиты, если в них вопьются десятки арбалетных болтов... Увидел распахнутые окна, из которых велась стрельба, валяющихся на мостовой горожан, что случайно оказались рядом с местом покушения...

И троих мужчин с кинжалами, выскочивших из-за угла.

Попытку наложить на него обездвиживающие чары Ардил отменил играючи, а затем ответил — по дрожащим нитям, что тянулись от чужого заклинания, потекли волны энергии. Безмолвный, различимый только для мага крик дал понять, что тот, кто посмел соперничать с ним, сейчас горит изнутри, заключенный в теле огонь рвется наружу, пожирает живую плоть!

Но на контратаку ушло несколько драгоценных секунд.

Первый убийца оказался рядом, но вместо того, чтобы ударить, поднырнул под брюхо коня. Арбалетная стрела отвлекла Ардила, в следующее мгновение он ощутил, как в бедро входит острый нож, смазанный ядом, а скосив глаза, увидел алые струйки на блеснувшем клинке.

Боль хозяин Гардза ощущал почти так же, как обычные люди.

Второй убийца попытался достать Ардила в другое бедро, и вот тут-то он разозлился по-настоящему, даже вздрогнул от накотившего гнева, и губы выплюнули ругательство, выученное еще в детстве, когда он был мальчишкой, добывавшим пропитание на задворках Длиарна. Взмахнул рукой, и последние зеленые «мухи», кружившие вокруг побледневшего фантома, с протяжным шипением растаяли, а затем сгинул и сам призрачный дубль.

Лезвие воткнувшегося в бедро ножа вспыхнуло белым огнем.

Убийца с криком выпустил раскалившуюся ручку, второй схватился за переставшие видеть глаза, а вокруг мага забушевало бешеное пламя, сжигая своих и чужих, уничтожая даже намеки на опасность. С грохотом рухнул дом, откуда стреляли арбалетки, и вопли боли сменились тишиной, остался лишь треск медленно остывающих камней.

Ардил опустил сжатый кулак, и огонь погас.

На мостовой остались обгоревшие тела, гвардейцы изжарились в доспехах, а убийцы превратились в уголь, бесполезный даже для самого искусного некроманта. Двухэтажное здание, где ранее вроде бы располагался постоянный

двор, сделалось грудой закопченных развалин. Оставшиеся в живых Серебряные Крылья, двое из тех, что ехали в арьергарде и благодаря этому уцелели, торопливо послали фыркающих лошадей вперед.

— Вы не пострадали, господин? — спросил один.

— Нет, чтобы мне облезть, — отозвался Ардил, борясь с клокочущим гневом. — Поглядите, не осталось ли там кого в живых.

Эти ублюдки посмели поднять на него руку... на него, избранника Нового Бога, будущего повелителя мира... погибшие сегодня — жалкие марионетки, они получили свое... но вот когда он доберется до тех, кто все это придумал, тогда... он не любитель пыток и казней, но каждый в этом мире должен понять, что покушаться на хозяина Гардза себе дороже! Тот, кто противостоит ему, обязан будет сдаться, потерпеть поражение, поднять над своим логовом белый флаг!

— Они все сдохнут, будут умирать долго и страшно, — прошептал он.

Немного успокоившись, опустил руку к поясу, ощупал висевший там мешочек из коричневой замши. Тот отошел, стал почти в два раза меньше, чем в тот момент, когда Ардил выехал из замка, отправляясь на освящение едва достроенного Храма Бессмертных. Это значит, что половина спрятанных внутри кристаллов, позволяющих творить магию, обратились в черную пыль.

Эх, если бы можно было обходиться без них!

Увы, такое под силу лишь богу.

— Двое дышат, господин! — крикнул гвардеец, взобравшийся на груды черных руин, и Ардил удовлетворенно кивнул: раз враг жив, значит, «расскажет» все, что необходимо, даже если не будет в состоянии шевельнуть языком или проявит чудеса стойкости.

— Тащи сюда, — велел он, слезая с коня и морщась от боли в бедре.

Да, рану не залечил, и, кстати, разрез на штанах остался — смотрится плохо.

Громыхнул откатившийся в сторону камень, затем еще один, Серебряные Крылья закричали и извлекли из развалин могучего сложения парня, одетого неброско и добротно, как средней руки приказчик. Вот только в руке его обнаружился сломанный арбалет, а на пальцах — мозоли, какие бывают лишь у того, кто давно и часто стреляет из этого оружия.

— Наемник, — сказал Ардил. — Сейчас мы узнаем, кто его хозяин. А ну-ка..

Он присел на корточки и приложил ладони к вискам раненого.

Вновь пережил раздвоение сознания, и изнанка расцвела перед глазами буйством смазанных красок. Теперь нужно отыскать здесь нужную дорогу, извлечь то, что спрятано в голове у арбалетчика, наделить плотью воспоминания, никуда не исчезнувшие, несмотря на то, что они давно похоронены в памяти, скрыты под ее слоями, растворены в темных водах прошлого.

То, что Ардил делал сейчас, не умел больше никто в этом мире.

Уроки Нового Бога наложились на невероятный талант его ученика..

Любое живое существо, если смотреть на него с изнанки — не более чем сгусток энергии, и копаться в нем ничуть не приятнее, чем в куче старого мусора. Здесь и желания, и обиды, и мечты, а и то, и другое, и третье редко бывает красивым, горечь неудач, обжигающая лава злорадства, игольчатые вихри неприязни и ледяные глыбы ненависти.

Ардил продирался сквозь все это, как путник через непогоду.

К тому моменту, когда нащупал и извлек нужное, сам вспотел, счастье еще, что сумел ухватиться за последнее стремление, оставшееся в голове раненого — выцелить вон того хлыща на лошади. На миг увидел себя со стороны — мелкий и тощий, копна светлых волос, пряди торчат, на треугольном белом лице почти детское удивление, рот приоткрыт.

А затем он двинулся к корням этого стремления, к тому, что его породило.

Оказался за столом в полутемной комнате, судя по всему, в зале большого постоянного двора, разглядел сидящих на стульях мужчин и услышал хриплый голос того, что был одет богаче других: «...помните, вы имеете дело не с обычным человеком, что тот, кого называют Ардилом из Гардза, намного могущественнее, чем любой маг...»

Говоривший был высок, сед и коротко стрижен.

А на правой руке у него красовался перстень — массивный, золотой, с гербом в виде обвивающего палец дракона, что держит в пасти красный шарик небольшого рубина. Выговор с характерными шипящими интонациями намекал, что его обладатель родился на юге, между Романдо и долиной Кран-Рели, или хотя бы прожил в тех местах много-много лет.

Все сходилось одно к одному!

Гнев вышвырнул Ардила из видения, он зарычал, сжимая кулаки, перед глазами возникла багровая дымка. С трудом разглядел сквозь нее испуганные лица, понял, что рядом находятся люди, и если он позволит ярости овладеть собой целиком, то они, скорее всего, погибнут, а это будет нехорошо, ведь в данный момент ему не нужно сражаться за свою жизнь.

Надо успокоиться.

— Что... вам? — прохрипел Ардил, с трудом удерживая себя.

— Мы... господин, пришли удостовериться, все ли с вами в порядке... — испуганно моргая, пробормотал толстяк в бобровой шапке с серебряным шитьем. — Я — городской голова, Пахтон Двойня, вы должны помнить меня, я вам представлялся в прошлом месяце, накануне праздника Возвращения Незримого Хранителя...

Ах да, точно, новый бургомистр, поставленный совсем недавно.

Наверняка прибыл на открытие святилища, а тут такое...

— Да, конечно, — Ардил поднялся на ноги, пошатнулся — слишком много сил отдал на поиски в чужой

памяти. — Распорядись, чтобы тут убрали, — он махнул рукой, обводя площадь, — убитых — похоронить, дома отстроить, я все оплачу, а Храм Бессмертных мы освятим потом, сегодня не стоит...

Гнев его понемногу стихал, но в ушах по-прежнему звучал хриплый голос с отчетливым акцентом, а перед мысленным взором извивался золотой дракон с огненным шаром в пасти — герб королевства Тарегон, чьи правители, находившиеся с Ардилом из Гардза в давней и упорной вражде, и стояли за сегодняшним хитрым и масштабным покушением.

Сладостное предвкушение затрепетало в груди Ардила, едва он переступил порог зала для совещаний, и его полководцы дружно, как по команде, вытянулись и расправили плечи. Звякнули огромные шпоры на сапогах Эбнера, командира Серебряных Крыльев, и хозяин Гардза пошел к огромному столу, заваленному картами, свитками донесений, отчетами от наместников провинций, депешами от послов и всяким пергаментным «мусором», без которого не бывает войны.

А она будет, и скоро, и он об этом позаботится.

Тарегон должен быть уничтожен, и не только потому, что сидящий на его троне король посмел покуситься на жизнь Ардила. Если гордый Ревайн, чьи стены и башни отражаются в водах реки Старк, падет, то войскам под знаменами Нового Бога откроется путь дальше, в те земли, где копят силы и собирают армии некроманты под стягом с костяной ладонью.

А на пути к владычеству над миром их тоже придется одолеть.

— А ну-ка начнем, — сказал Ардил, заняв место во главе стола.

Здесь собрались его полководцы, командиры отрядов, кому вести в бой воинов, и чиновники, что останутся управлять государством, следить за порядком и собирать налоги. Без подобных людей ни одна армия, даже самая мощная и хорошо управляемая, не выигрывает войны.

И по обычаю, первое слово принадлежит младшему.

— Если господин позволит... — заговорил Роско, командир полка тяжелой пехоты. — Если посмотреть...

Они высказывались один за другим, сенешаль и командир Серебряных Крыльев, верховный инквизитор и предводитель конных лучников, и не было в их речах ничего нового, чего бы Ардил не знал. В провинциях, что лежат за Хелдезом, мор и недовольство, крестьяне волнуются, а еще дальше, на границе, шалют нелюди, тролли и вольные орки, набегии случаются каждый месяц. На востоке с моря приходят пираты, на западе, в недавно присоединенных землях, то и дело вспыхивают мятежи, и войско нужно везде одновременно.

Они не могут вести новую большую войну.

И все же они ее начнут, поскольку так велел Новый Бог.

— Хорошо, я вас слышал, — сказал Ардил, когда закрыл рот канцлер, старейший из собравшихся. — Я понял, что свободных сил у нас не хватит, чтобы открыть кампанию против Тарегона... но прошлый год был во всем удачным, и казна полна, и мы можем пустить ее в дело... что толку от золота, если оно лежит в хранилище и покрывается пылью?

Понятное дело, они исполняют все, что бы он ни велел, воплотят в жизнь любой приказ, но лучше показать: это не его прихоть, а повеление благостного бога, чьи храмы в городах под властью Ардила с недавнего времени соседствуют со святилищами Сияющего Орла. Тогда и воины пойдут в бой с верой в сердце, и мытари утаят меньшую часть налогов, каждый исполнит свой долг до конца и не подумает увильнуть от него.

— Обратимся же к Верховному Благу! — воскликнул он и вскинул руки.

Обычный мир вокруг потускнел, не так, как во время утренней схватки, когда вселенная для Ардила раздвоилась, а куда сильнее, словно остался за толстым и мутным стеклом. Затем исчез вовсе, и он обнаружил себя на крохотном островке спокойствия меж потоков разноцветного

сияния — алого, лимонно-желтого и фиолетово-синего с серебристыми искорками.

— Присутствие... — прикатилось грохочущим шепотом из непредставимой дали.

«Ты нужен нам, повелитель», — даже не произнес, а подумал Ардил, направляя мысль туда, где меж облаков струящейся материи укрывался верховный хозяин и его собственной жизни, и жизнью всех обитателей земель, что раскинулись на сотни миль в стороны от замка Гардз. Тот, единственный, кто в состоянии защитить их мир от пожирания ненасытным Хаосом, спасти от неизбежной гибели.

— Воплощение... есть... — отозвался повелитель.

Ардил, как обычно, почувствовал приближение Нового Бога словно надвигающийся ураган, опасный не злотворностью, а просто чудовищной мощью. Все его тело охватила боль, причудливо смешанная с экстазом, и он рывком вернулся с изнанки в обычный мир, обнаружил себя в зале для совещаний, дрожащего и потного, вцепившегося руками в край стола.

А над центром столешницы воздух дрожал и колыхался.

Новый Бог не любил воплощаться, и в настоящем, полноценном теле Ардил его не видел ни разу, хотя провел в учениках почти десять лет. Обычно повелитель создавал себе колышущийся, светящийся, неустойчивый облик, иногда появлялся в виде животного или даже растения, хотя в любом случае он изъяснялся странно, больше образами и чувствами, чем словами.

— Явление... явление... — донесся из дрожания шепчущий голос.

Возникло облачко белого тумана размером со щит всадника, по краям его поплыли радужные разводы, а в центре открылось черно-желтое око с кулак, похожее на змеиное. Под его взглядом поежился не знающий страха командир Серебряных Крыльев, потупился Роско, верховный инквизитор забормотал молитву, а канцлер сделал несколько шагов назад.

— Повелитель, помоги же нам! — воскликнул Ардил, отвешивая поклон.

Следом поклонились остальные.

— Собрание... продолжение... — произнес бог. — Необходимость... всегда...

Каждое слово заставляло вздрагивать собравшихся вокруг стола людей, и все они ощущали одно и то же — Новый Бог желает войны, хочет, чтобы Тарегон был сокрушен. Перед глазами Ардила мелькали картинки, слишком размытые и смутные, дабы он мог понять их суть, а вот видели их другие или нет, он не знал, да и знать не хотел.

Достаточно, что они слышат повелителя, чувствуют его желания.

— Исполнение... победа, — произнес повелитель, и облик его заколыхался.

Закрылось черно-желтое око, обернулось завитком белого тумана, многоцветные разводы начали бледнеть, словно краски, куда добавили очень много воды. Через мгновение повисшее над столом облачко исчезло, а стоявшие вокруг люди поклонились вновь, и все одновременно прошептали: «Да славится хозяин нашей жизни и нашей смерти».

— Вы все осознали волю, которую нам надлежит исполнить, — сказал Ардил.

— Да... да... да... — понеслось с разных сторон.

Появление Нового Бога сделало свое дело — они потрясены и ошарашены, избавились от сомнений и преисполнились глубокой, свежей веры. Его собственная усталость, возникшая после глубокого погружения в изнанку, сгинула бесследно, ее место заняла готовность к немедленному действию, нетерпение, замешанное на бурлящем внутри ощущении силы.

Предстоит еще многое решить... какие полки отправить в поход, а какие оставить... сколько понадобится наемников и какого вида... как организовать снабжение и когда выступить... что насчет разведки и контрразведки... но Ардил знал — он обязательно с этим справится. Ведь иначе и не может быть, когда им помогает сам Новый Бог!

1. Жрица. Сейчас

Джадия висела на потолочной балке, обхватив ее руками и ногами, и восьмеркой захлестнутый вокруг талии и той же балки пояс не давал ей упасть. Она была привычна к подобным упражнениям, усталости пока не чувствовала и спокойно ждала, стараясь без нужды не шевелиться.

Внизу, под нею, лежал зал постоянного двора «Три слона», самого большого и известного в Варгене. Бегали слуги с подносами, за стойкой восседал хозяин, сложением похожий на одно из животных, давших название его заведению, за столиками ели и пили припозднившиеся гости.

Джадию интересовала компания в углу, состоявшая из крепких мужчин, вооруженных и покрытых шрамами. А если точнее, то самый могучий из них, громче всех смеявшийся и больше всех пивший, с крохотной лысиной в обрамлении рыжих волос.

Звали его Дастин Рог, был он капитаном роты наемников «Серые Акулы», и девушка явилась сюда, чтобы его убить. В кармашке на воротнике ждала своего часа крохотная игла, намазанная ядом, сделанным из печени болотной жабы Черных лесов — он действует быстро и не оставляет следов.

Джадия могла проникнуть в «Три слона» как все, через дверь, но тогда бы ее заметили и запомнили. Она выбрала другой путь, и едва начало смеркаться, пробралась на крышу сарая, пристроенного к основному зданию, затем протиснулась в слуховое окошко и очутилась на балке.

Заказ она получила в Длиарне, а в Варгене находилась восемь дней и все это время наблюдала за Дастином, изучала его привычки: куда ходит, с кем общается, что ест и пьет.

Капитан был крепким орешком, оружие всегда держал под рукой и не забывал глядеть по сторонам. Джадия, конечно, имела шансы в открытой схватке с ним, но рядом с командиром почти всегда крутились двое-трое вояк из его роты, и вовсе не тупых дуболомов.

— Эй-эй, почтенные гости! — басом проревел хозяин, выбравшись из-за стойки. — Клянусь благостью Нового

Бога, скоро стража пойдет по улицам, проверять, кто огня не загасил, и мне нет желания платить штраф, так что соби-райтесь, и кто домой, а кто по комнатам!

Двое вышибал, сидевших у двери, привстали с табуретов, бродячий сказитель, щипавший струны у очага, недовольно захряхтел, трое пьяниц за столиком у двери принялись то-ропливо опустошать кружки.

— Может, еще чуток, клянусь ляжками сирены? — спросил Дастин, повернувшись, и Джадия увидела его лицо: об-ветренное, загорелое, холодные глаза и старый шрам на под-бородке.

— Нет, и не просите, — хозяин замотал головой. — Это у вас могут быть деньги лишние, а у меня десятерной сикль, что на штраф попросят, в кошельке не заваялся, мне на него месяц работать надо!

Джадия знала, что толстяк врет — три дня назад явилась сюда, переодевшись барышней из веселого квартала, и пока сидела с подгулявшими моряками, не только узнала все о местных порядках и изучила здание, но и подсчитала до-ход заведения и определила, кто из слуг ворует.

— Э, ладно, как скажешь... — капитан махнул рукой и по-тянулся к кувшину с вином. — Сейчас, допью только.

Расплатился и вышел пожилой купец, живший на со-седней улице, надравшиеся матросы с Отрезка потянулись в ночь искать приключений на собственные задницы. Гро-мыхнул вставший на место засов, и это значит, что в «Трех слонах» остались только те, кто здесь живет.

Забегали слуги, вытирая столы, подметая пол, утаскивая на кухню грязную посуду, хозяин принялся считать моне-ты — из-за стойки донеслось негромкое позвякивание. Да-стин Рог и его приятели отправились к лестнице, ведущей на второй этаж, к комнатам, но на верхней ступеньке капи-тан внезапно остановился.

Джадия замерла, когда он глянул в ее сторону и прищу-рился — знала, что свет от очага и свечей до балки не дости-гает и что со всех сторон она выглядит бесформенным пят-ном во мраке, но все же забеспокоилась. Ладонь потянулась

к игле — в самом худшем случае придется метать ее сейчас, а затем уходить, оставляя за спиной «лишние» трупы.

Но предводитель «Серых Акул» шумно рыгнул, помянул срамные места Стального Сокола и зашагал дальше. А она перевела дух и расслабила напрягшиеся было руки — еще не время пускать в ход оружие.

Поленья в очаге прогорели, хозяин утащил последнюю свечку, и грохнувшая дверь возвестила, что до утра о нем можно забыть. Оставшийся в зале слуга улегся на лавку и зашвырнул носом, и только после этого Джадия аккуратно расстегнула пояс и мягко спрыгнула на пол.

На миг припала к усыпанным соломой доскам, лоя звуки, запахи и тени, а затем поползла к лестнице. Три дня назад Джадия вытерпела приставания щетинистого боцмана, а когда они поднялись в комнату, быстренько его усыпила, нажав пару точек на шее, и ночь потратила на то, чтобы все здесь изучить.

Седьмая снизу ступенька скрипит, на нее наступать нельзя, в коридор нужно протискиваться, иначе подадут голос ржавые петли, а капитан обитает в комнате, чья дверь помечена изображением трубящего слона.

Тут она вновь замерла, прижалась к стене, и вся обратилась в слух, забыв о зрении, осязании и прочих чувствах. Уловила сонное дыхание, разделила его на четыре «голоса», в соседнем номере кто-то закричал, с шумом испортил воздух, напротив храпят так, что дрожат стены.

«Темный Жрец и его сестры хранят свою служанку», — подумала Джадия, вытаскивая из кармана под одеждой проволочную петлю; защелку, что запирает дверь, открыть не сложнее, чем высморкаться.

Аккуратное движение, и закрепленная на гвозде деревяшка повернулась. Коротенький скрип, и девушка оказалась внутри комнаты, сжалась в комок на пороге, давая глазам привыкнуть и вытаскивая из кармашка иглу.

Широкий лежак у дальней стены, под окном, и на нем двое, узкий совсем рядом, на нем кто-то один, и четвертый посапывает на сундуке. От запаха портянок, пота и перегара

свербит в носу, в рядок стоят сапоги, а одежда кучами валяется на столе и табуретках.

Капитана Джадия обнаружила на сундуке — рот приоткрыт, голова запрокинута, хорошо видна шея. Она задержала дыхание, а затем метнула иглу так, как ее учили — мягко, выпуская из пальцев в самый последний момент, точно стряхивая с щепоти каплю воды.

Дастин вздрогнул, захрипел, глаза его раскрылись, но тут же застыли, по сильному телу прошла судорога. Если яд из печени болотной жабы попал в кровь, то отравленный не живет дольше нескольких мгновений.

Джадия выждала, пока капитан «выбросит белый флаг» и перестанет дергаться, одновременно прислушиваясь, что творится в коридоре. Убедившись, что заказ выполнен и никто не вышел из своей комнаты, она выскользнула наружу и с помощью той же петли вернула защелку в прежнее положение.

Осталось убраться отсюда, и сделать это так, чтобы никого не потревожить: назад к лестнице, по ней — на третий этаж и через окошко в пустующей мансарде на крышу сарая, а оттуда — через забор на улицу. Понятно, что по Варгену ходит стража, но ускользнуть от нее не сложнее, чем мужику выдернуть волосок из собственной бороды.

Борода у гнома была настолько длинной, что ниспадала до колен, зато голос звучал пискляво, точно у ребенка. Смотрел он на Джадию с сомнением, да еще и морщился, словно видел нечто гадкое, непотребное.

Возможно, его смущало, что сегодня она нарядилась под воительницу из земель варваров — темные волосы заплетены в две косы, на щеках яркий рисунок, изображающий тотем племени, на поясе меч и кинжал, а одежда куда больше подошла бы мужчине.

— Ну, хм... усе, конечно, понятно, деньги заплачены, место определено, — протянул он после долгой паузы, — но пусть хозяин решает, как это устаканить... сейчас я его позову.

Ночью Джадия без приключений вернулась на постоянный двор, а уже на рассвете покинула его, сунув зевающему

хозяину серебряный сикль. Место в гномьем обозе, уходящем из Варгена в Гардз, она приобрела заранее, но через посредника, и когда явилась к телегам, ее появление «во всей красе» ошеломило бородатых нелюдей.

— Ну, зови, — сказала она с той угрожающей интонацией, с какой и должна говорить барышня, выросшая там, где девочка учится сражаться наравне с мальчишками, а лук получает в подарок раньше, чем швейную иглу.

На зов явился другой гном, с подстриженной седой бородой, топором на поясе, родинкой на щеке и внимательными темными глазами, под взглядом которых девушка невольно подобралась.

— Что тут, Цайнеке? — спросил он.

— Вот, она собирается ехать с нами, для нее от Арчита Мохнача место покупали, — наябедничал длиннобородый.

— Ну раз для нее, значит, она и поедет, — сказал обладатель острого взгляда и не менее острого топора. — Меня зовут Рацибуж Седьмой, и клянусь пальцами Урда, обо мне слышали и в ваших местах. Если не ошибаюсь, ты из клана Седого Волка, причем из средней ветви... как там вождь?

— Старый умер год назад, новый, Вадхун Крикун, поднят на кошме, — отозвалась Джадия, тщательно готовившая всякую новую «личину» и для превращения в воительницу из варваров собравшая все слухи и новости, пришедшие из степей.

— Эх, понятное дело, годы, — Рацибуж похрустел пальцами, усмехнулся, показав крупные белые зубы. — Хотя крепкий был старик, мы с ним не один кувшин пива уговорили, да и кумыса тоже. Поедешь на седьмой телеге. Цайнеке, проводишь ее. Понял?

Джадия кивнула, а предводитель каравана, богатейший и удачливый гномий купец, имевший дела чуть ли не во всех крупных городах мира, развернулся и зашагал прочь.

— Все понял, — вздохнул длиннобородый и подмигнул Джадии. — Пойдем, красотка.

Седьмая телега оказалась загружена оплетенными кувшинчиками, причем каждый был поставлен в особый

ящичек с соломой и заткнут пробкой. Потянув носом, она определила, что внутри благовония — драгоценное земляное масло, что добывают только в Кран-Рели, цветочные эссенции с Отрезка и из земель за горами.

— О, это ко мне? — обрадовался возница, бывший по плечо даже Цайнеке, а уж Джадии и вовсе достававший до пояса. — Ох, какая цаца, люблю я таких, страсть как, и даже больше, чем пиво...

Он немедленно попытался хлопнуть девушку по заднице, а когда та увернулась и врезала гному кулаком в лоб, не расстроился, а крикнул от удовольствия и принялся щупать набухающий синяк.

— Норовистая, — с придыханием сообщил возница. — Садись вот сюда, тут местечко есть... Выпить не хочешь? — он извлек откуда-то из ящичков булькнувший бурдюк. — Темное, настоящее гномье. Не хочешь? Ну а я хлебну, — он с чмоканьем присосался к бурдюку. — Эх, люблю я это дело, страсть как, а звать меня, если хочешь знать, Пегас.

— Зарина, — отозвалась Джадия, усаживаясь на телегу. — Пегас, ну и ну.

— А это потому, что я летать люблю, — возница заметил Рацибужу, и бурдюк из его рук исчез, словно на емкость с пивом наложили заклинание невидимости. — Когда пьяный. Откуда только не спархивал — и с крепостной стены, и с крыши храма... Ага, поехали!

Купец забрался на лошадь, махнул рукой, и Цайнеке подал в рожок, подав сигнал. Захлопали бичи, завертели колеса, и обоз потихоньку двинулся с места, уходя с площади, вытягиваясь в узкую горловину улицы.

— А с крыши храма — это такой угар был, чтобы мне лопнуть, — продолжал рассказывать возница, ловко орудуя поводьями, — мы тогда с дружками пили там, куда Древние драконов не гоняли, все кабаки этого гнусного городишки в Романдо обошли, но пива не отыскивали.

Джадия делала вид, что слушает болтовню Пегаса, что ей она не особенно интересна, но деваться некуда, а сама не забывала поглядывать по сторонам — пока они не покинули

Варген, расслабляться рано, есть шанс, что убийцу Дастина Рога ищут по городу.

Но на улицах все выглядело как обычно — сновали продавцы сушеных кальмаров и вина; орали зазывалы, надувая щеки и пуча глаза; хозяева лавок улыбались; стражники выглядели сонными, точно сытые коты; на гномов вовсе не смотрели, хотя воительнице из варваров порой доставались сальные взгляды.

— И хлоп, очухиваюсь, а подо мной пыльная мостовая, и морда-то, морда! — закончил рассказ возница и захохотал так, что приценивавшаяся к крову женщина невольно обернулась и сделала знак Когтей.

Они проехали святилище Сияющего Орла, старое, с потускневшим золотым диском на крыше, миновали новый храм, посвященный Новому Богу, Незримому Хранителю, как называли его жрецы всех мастей. Впереди, над домами, показали стены города, возведенные лет пятьдесят назад.

Пегас затянул новую байку, столь же бессмысленную и беспощадно длинную, а Джадия подобралась — в воротах ее могут караулить, и лучше приготовиться к худшему. Обоз остановился, Рацибуж принялся спорить со старшим стражником, а двое его подчиненных зашагали вдоль ряда телег.

— Тут чего? — спросил один, толстый и краснолицый, ткнув пальцем в дерюжный мешок.

— Мандрагора, — мрачно отозвался возница. — Пошлина за нее уплачена.

— Ладно тебе, все одно в накладе не останемся, — второй, маленький и усатый, дернул соратника за руку. — Слышь, чего Лишай сегодня утром рассказывал — капитана «Серых Акул» порешили!

— Да ладно? — не поверил краснолицый.

— Чем хошь поклянусь, нашли у себя в постели с ножом в глотке, — они пошли дальше, и оба одновременно мазнули взглядами по Джадии, а точнее — по ее выпяченным грудям. — Дверь закрыта, он не один был, все парни тертые, не один год в боях, так что муха не пролетела бы незамеченной!

Девушка про себя усмехнулась — еще несколько дней, и начнут рассказывать, что Дастина Рога лишили жизни с помощью магии, или неведомый убийца положил с дюжину охранников, залил кровью весь постоянный двор «Три слона», а из толстяка-хозяина сделал чучело.

Беседа Рацибужа со старшим караула закончилась тем, что из рук в руки перекочевал звякнувший мешочек, и обоз покатил дальше. Надвинулись и проплыли мимо башни городских ворот, открылась уходящая на запад дорога, и Джадия расслабилась по-настоящему.

— А тут этот, который хворый наемник, мне и говорит — «горгуля, срань ее в Хаос»! — продолжил трепаться Пегас, не обращавший внимания на то, что его не особенно и слушают. — Мы за топоры, а он молоток вытащил, здоровый такой, как весло на галере, только еще больше!

Они проехали еще немного, и Джадия обернулась, чтобы бросить взгляд на Варген — сюда она если и попадет, то не скоро, через несколько лет, когда обстоятельства гибели капитана «Серых Акул» позабудутся. Примерно через милю дорога свернула, и они оказались на берегу Хелдеза, чья вода казалась серой, точно волчья шерсть.

Там было так же оживленно, как и на тракте, что связывает Дельту со столицей Ардила. По речной глади скользили барки, надувались паруса рыбачьих лодок и торговых кораблей, северный ветер нес запахи камыша и сырой рыбы, под его ударами на волнах появлялись барашки.

Ехали целый день под нескончаемый поток историй Пегаса и морозящий дождь. Закутавшаяся в накидку Джадия кемарила, время от времени выныривая из дремы, дабы оглядеться и проверить, что происходит вокруг.

На ночь остановились в небольшом городке, и в его единственном постоялом дворе нашлась комната на одного человека, пусть вонючая и крохотная, но с крепкой дверью. Джадия устала и терпеть приставания гномов, охочих до человеческих женщин, не собиралась.

Проснулась она на рассвете и, поворочавшись немного, поняла, что больше не уснет. Когда выбралась в большой зал,

обнаружила, что там пусто, за стойкой сонно хлопает глазами служанка, а за одним из столиков пьет пиво Рацибуж Седьмой, такой свежий, будто вообще не спал.

— А, уже проснулась, Зарина из средней ветви Седого Волка? — гном махнул рукой. — Иди сюда.

Служанка, маленькая и толстенькая, оказалась рядом, в ее взгляде, обращенном на поддельную воительницу, мелькнула зависть — сильная и независимая, да вдобавок еще и красивая — а голос прозвучал робко:

— Что подать госпоже?

— Еды, — ответила Джадия.

— Едешь в Гардз? — спросил Рацибуж, когда она уселась рядом. — Понятное дело. Такие как ты, кто зарабатывает мечом, чуют войну, словно вампиры — кровь, а такие как я точно так же чуют прибыль.

— Война для тебя убыток? — спросила девушка.

— Смотря какая, — купец отхлебнул из кружки, и белая пена повисла у него на усах. — Если мелкая, вроде тех, какие раньше были, то от них одни неприятности, ну а коли большая, во всю жопу, вроде тех, какие Ардил затевает или нынешний хозяин Эрента и Савира, так мне от них только радость.

Джадия вопросительно изогнула бровь, и Рацибуж с воодушевлением продолжил:

— Чистая сталь, мрамор, тонкий уголь, мифрил стоят больших денег, и их будет покупать лишь тот правитель, что обладает серьезными деньгами, для мелкого князька все это роскошь. Видит Урд, тому, кто воюет, ресурсов требуется во много раз больше, а значит — нужны купцы, способные привезти редкие товары с другого края мира! Хе-хе!

Со двора донесся могучий зевок, потом кого-то со смаком шлепнули по спине, заготовили в несколько луженых глоток. На смену этим звукам пришло фырканье и плеск, взвизгнула девушка — возчики и охранники, ночью спавшие под телегами, взбадривали себя как умели.

— Будет война? — спросила Джадия.

— Конечно, будет, понятное дело, — купец опустошил кружку и со стуком поставил на стол. — Тарегон у Ардила

как кость в горле, это и выход к Серебряному морю и торговля по Старку, возможность потом напасть на Романдо или на тех безумцев, что молятся смерти за Огненными горами.

Он поднялся, намекая, что разговор окончен, и покровительственно похлопал Джадию по плечу. В зал с улицы проскользнула служанка, красная, точно маков цвет, за ней начали заходить мокрые и довольные возчики.

Завтрак и сборы не заняли много времени, и вскоре телеги, грохоча и подпрыгивая, потянулись к западным воротам. Городок, чьего названия Джадия так и не узнала, остался позади, вновь потянулся широкий, наезженный и мощный тракт, обсаженный молодыми деревьями.

1. Мститель. Сейчас

Харек равнодушно смотрел на корчившегося над углями человека.

Храм, сложенный из огромных, в обхват, бревен, догорал неподалеку, с той стороны веяло теплом и тянуло гарью. Шумели под ветром кроны деревьев, сегодня только с помощью магии спасенных от пожара.

— Прокля... проклятье вам всем! — прошипел человек и, изогнувшись, попытался плюнуть в своих мучителей, но попал себе на грудь.

Был он лыс, тощ и обнажен, если не считать грязной набедренной повязки. Антрацитовые глаза с расширенными от боли зрачками таили фанатичное, упорное безумие.

— Может быть, заклинанием попробовать? — спросил кутавшийся в плащ Митта-Мясо.

Он мерз, несмотря на то, что вокруг царила удушающая, влажная жара, обычная для Черных лесов. Было это следствием давней схватки, когда молодой еще маг выжил только чудом и потерял кое-что свойственное обычным людям.

— Бесплезно, клянусь задницей Вечного, — сказал Харек. — Он от них защищен. Попробуем иначе.

— Проклятый! Проклятый! — взвыл повешенный над углями, дергаясь и щеря гнилые зубы. — Как смеешь ты поминать его имя, как смеешь ты творить то, что творишь!

— Смею, поверь мне, — ответил Харек, принимая у Фарцига зазубренный нож, чье лезвие отливало фиолетовым.

И жрец Вечного, бывшего хозяина мира осекся, глядя в лицо наклонившегося над ним человека. Обычного на первый взгляд мужчины лет сорока с сединой в темных волосах и серо-стальными глазами.

Хранитель затерянного в недрах Черного леса святилища понимал, что в гости к нему явились не просто наемники. И еще он чуял в зазубренном клинке ядовитую, опасную силу, и эта сила жгла не тело его, а душу.

Фарциг поморщился, когда фиолетовое лезвие коснулось кожи, вошло в плоть, и брызнула кровь.

— Лучше скажи все сам, — попросил Харек.

— Нет... нет... — прохрипел жрец и вдруг завизжал, точно поросенок, живьем насаженный на вертел. — Ойййииии... Нет... вайййии... что ты творишь?.. Все скажу, только убери!

— Говори.

— Но что... ты... хочешь... знать? — повешенного над углями била крупная дрожь, глаза его вращались в орбитах, с губ летела пена, и это несмотря на то, что рана от зазубренного ножа получилась неглубокой.

Служитель Вечного поднял белый флаг, смирился с поражением.

Ведь мало кто устоит перед касанием Клинка Тьмы.

— Слово, положенное в основание твоего храма, — и Харек кивнул туда, где из груды углей выстреливали язычки огня и неспешно тлело то, что недавно было стенами и кровлей.

Жрец так удивился, что на миг забыл о мучениях.

— Ты знаешь? — спросил он, подняв голову. — Но кто же ты? Вы знаете, кто он?

И лысая голова завертелась, взгляд побежал по лицам стоявших кругом людей... и не только людей.

— Наш наниматель, что платит щедро и без обмана, — проговорил Фарциг, убирая зазубренный клинок в ножны на поясе.

Невысокий и шуплый, он был весь увешан оружием — два меча, длинный и покороче, метательные ножи, засапожник, пара топориков... и это только то, что находилось на виду.

— Я тот, кто покончит с вами со всеми, сожри меня Хаос, — сказал Харек, и глаза его полыхнули ненавистью.

— Да... о нет, — прошептал жрец. — Ты сделаешь, да... и он не остановит тебя...

— Говори!

— Да, слово под основанием храма... — повешенный над углями старик закашлялся. — Он простит... Он простит... — из бесцветных глаз под седыми бровями побежали мутные слезы. — Огонь во рту золотого дракона.

— Он не врет? — Харек посмотрел на Митту.

— Говорит правду, по крайней мере, сам в это верит, — маг покачал головой, и серо-алое, лишненное кожи лицо его, в которое мало кто мог глядеть без содрогания, задергалось.

— Тогда пусть умрет честно, — Харек вытащил из ножен меч, обычный полуторный клинок.

Лезвие вонзилось в грудь жрецу, тот выгнулся в последний раз и затих.

— И что дальше? — пробасил огромный орк, чьи клыки были подпилены, а мощную шею украшало ожерелье из высушенных, магическим образом уменьшенных черепов — людских, гномьих, гоблинских, имелся даже один эльфийский.

— Вы займетесь ужином, а я буду думать, — сказал Харек.

Тело хранителя святилища оставили там, где его пытали, а костер развели чуть в стороне, под сенью деревьев. Сходили за водой, поставили котлы над огнем, Митта замахал руками, ставя колдовскую защиту от летучих кровососов.

Над джунглями стемнело, резкие вопли дневных тварей сменились мягкими голосами ночных.

— Готово, можно жрать, — сказал Бирцэ, зачерпнув из котелка. — Харек, не заснул?

— Нет, божья срань, — и предводитель маленького отряда поднялся с бревна, на котором сидел.

Они поели, и только после этого он заговорил вновь:

— Дело, ради которого я вас нанимал, исполнено, и вы свободны идти куда угодно. Но я предлагаю вам новое.

— Где на этот раз? — спросил Фарциг, задумчиво почесываясь.

— Нам предстоит отправиться в Ревайн.

— Столица Тарегона? — на лице Бирцэ, гладком, несмотря на возраст, поднялись брови. — Хотя да, можно было догадаться, огонь во рту золотого дракона — герб этого сражного, но богатого королевства.

Полукровка, рожденный на границе Тегары и эльфийских лесов, он знал куда больше обычного рубаки, а еще клал десять стрел подряд в подвешенное на нитке колечко... с сотни шагов.

— А что там? — орк зевнул, показав, что все зубы, помимо клыков, у него целы.

— То же, что и везде, святилище с безумными жрецами, которое нам нужно разрушить, а их всех прикончить, — проворчал Митта, сидевший у самого огня, так что языки пламени едва не касались его лица. — Или я не прав, а, скажи-ка, Одержимый?

Он один называл Харека по прозвищу, другие его если и поминали, то про себя.

— Да, ты прав, — спокойно ответил предводитель маленького отряда, но глаза его на миг странно блеснули.

— Но это далеко... через земли Ардила тащиться, потом как-то границу пройти, — протянул Деми, чернявый и смуглый умелец в обращении с самым разным оружием, — и в город проникнуть, а чужаков там не очень любят...

— Это не ваша забота, — сказал Харек. — Ставка обычная — вам задаток в фунт золота. Простым воинам — одна треть фунта. Столько же потом.

— Годится, — рыкнул орк, и на физиономии его появилась довольная улыбка.

— Пожалуй, и я соглашусь, — протянул Фарциг. — Не бросать же тебя вот так одного?

— И я... и я... — понеслось с разных сторон.

Харек кивнул — в ином ответе он не сомневался.

Здесь не весь отряд, только десятники и самые умелые из парней, когда либо продававших меч, топор или посох вместе с держащими его руками. Остальные ждут их возвращения на границе Черных лесов, куда неразумно соваться большой толпой.

Но они согласятся с тем, что будет решено здесь и сейчас.

Харек подтянул к себе дорожную сумку, из числа тех, что украшали спину его лошади. Когда запустил руку внутрь, раздался негромкий звон, и на свет козтра начали один за другим появляться кожаные мешочки.

Первый достался магу, второй получил Бирцэ, третий схватил орк.

— Вот не раз я задавал себе вопрос, — сказал Фарциг, взвешивая на ладони доставшееся ему золото, — почему мы до сих пор не прикончили тебя и не забрали все, что ты возишь с собой?

Баргот аб Тарн усмехнулся, на лице орка появилось озадаченное выражение.

— А потому, что я вас выбирал, — ответил Харек, — и выбрал лучших.

— Ну и что? — Фарциг нахмурился.

— А лучший — это не всегда тот, кто быстрее всех размахивает острой железкой или мечет молнии. Ясно?

2. Герой. Пятнадцать лет назад

Страх, давивший на грудь Ардилу последние несколько дней, щедро замешанный на горе и тоске, стал еще более холодным и острым, когда он ступил за порог родного дома. Закрывший дверь городской стражник похлопал мальчишку по плечу, обдав его густым запахом рыбы и винного перегара, и двое подмастерьев плотницкого цеха одновременно замахнулись молотами. Они снесут хибару, прилепившуюся

к городской стене рядом с тем местом, где она заворачивает прочь от моря, а доски и все найденное внутри, в том числе и сапожные инструменты отца, пойдут в казну.

В Длиарне все просто — если не заплатил городу, должен расстаться с жильем.

На мгновение Ардилу захотелось развернуться, побежать туда, где прозрачные волны с шумом накатывались на берег, прыгнуть в них и снова увидеть папу и маму, пусть даже в Мире Смерти. Но он сдержался, только всхлипнул, покрепче сжал мешок с пожитками и продолжил смотреть, как с грохотом и треском погибает то, что с самого рождения было для него домом.

В груди пульсировала ледяная боль.

— Ты иди уж, парень, — сказал стражник, поглаживая себя по блестящему шлему. — Нечего на это глядеть, ничего тут не останется и вообще... чего толку зря сердце рвать? Молись Сияющему Орлу, и он сохранит тебя, как сохраняет этот мир от гибели. Давай, — и мальчишке досталось древком копья по спине, так что он поспешно отбежал на несколько шагов.

Но не ушел, остался стоять, моргая, чтобы сдерживать слезы.

Мор явился в дельту Хелдеза полгода назад, и поговаривали, что его наслали орочьи шаманы. Правда это или нет, но он гигантской метлой в руках смерти прошелся по всем городам, от Торико до Длиарна, оставил тысячи трупов, которые кое-где некому оказалось убирать. Тогда в их нищем квартале, расположенном за пределами стен, и обычно именовавшемся «Дырой», умер каждый второй, и среди погибших оказался и папа.

А неделю назад Сияющий Орел призвал к себе и маму.

Ардил остался один — родственники у него если и имелись, то далеко, и он их не знал, обитателям соседних хибар было не до чужого мальчишки, своих бы прокормить. Маму похоронили на кладбище для бедняков, рядом с Желтым болотом, а поскольку денег на погребение у него не нашлось, город забрал себе дом вместе со всем, что в нем отыскиали.

Стражник позволил взять лишь мешок с вещами, да и тот перетряхнул.

— Что, выгоняют тебя? — прохрипел старый Пардик, наблюдавший за работой подмастерьев с безопасного расстояния, и козлиная борода его затряслась, из нее полетела рыба чешуя и какие-то огрызки. — Я всегда знал, что так кончится, папка твой, он ведь не просто так тогда умер, они по заслугам получили, отродья Хаоса, гнусные заброды с запада...

И старик мелко захихикал.

— Ты облезлый дурак! — крикнул Ардил, повернувшись к Пардику. — Тоже умрешь!

Слезы хлынули ручьем, и мальчишка кинулся прочь, захлебываясь в рыданиях, не разбирая дороги, натываясь на людей. Словил затрещину, едва не раздавил взвизгнувшую псину, въехал лицом в мокрое и холодное развешенное на веревках белье, но не обратил на это внимания, как и на визгливые крики его хозяйки, и очутился за пределами квартала, на берегу моря.

Равнодушное и спокойное, оно продолжало шуметь.

Ардил уселся на песок, бросив мешок рядом, и, обхватив колени, как следует заплакал. А затем он вытер лицо, умылся и стал думать, что делать дальше — возвращаться в Дыру нельзя, там делать нечего... будь у него хоть отцовы инструменты, он бы мог стать бродячим подмастерьем, но и их нет... идти в город? Туда не пропустят стражники в воротах, да и зачем?.. остается место, куда стекаются все, не имеющие жилья и гроша за душой... порт.

— Тот, кто делает, справится всегда, — вспомнил он любимую папину поговорку.

Вновь накатило желание заплакать, но он сдержался — все, хватит одного раза.

Надо идти, отыскать место для ночлега, пока не начало темнеть, и добыть чего-нибудь съестного, а то последний раз ел еще вчера, и в брюхе начинает посасывать. Поднявшись, Ардил зашагал в ту сторону, где поднималась над водой угловая башня, прозванная меж жителей Длиарна

Пальцем, а за ней виднелись силуэты стоявших в гавани кораблей.

Раньше он всегда бегал на них смотреть, мечтал, что уплывет на одном...

А может быть, и вправду уплывет, попросится на судно к смуглым морякам с Отрезка или к одетым пестро и смешно торговцам из Вольных городов, они возьмут его с собой, и Длиарн исчезнет за горизонтом, и он вернется сюда через много лет, взрослым и богатым, и все ему будут завидовать, и старый Пардик, и близнецы из Козлиного Тупика...

Но для начала нужно пережить эту ночь.

Палец остался позади, начали попадаться причалы, к которым швартовались рыбачьи баркасы, маленькие, не уходившие далеко от берега, и мальчишка окунулся в вонь рыбьих потрохов. Ардил судорожно сглотнул, увидев, как с одного кораблика сгружают корзины с уловом, и подумал, что никто не заметит, если стянуть пару-тройку селедин.

Ага, вот корзина совсем близко...

Он запустил руку в шевелящуюся, поблескивающую массу извивающихся тел, и тут ухо ожгло болью.

— А что ты тут делаешь, гля? — проревели над головой, и Ардил понял, что его держит огромный и страшный человек — голова точно горшок, повязана цветной косынкой, безрукавка открывает могучую волосатую грудь, а на широком поясе висит длинный нож. — Воруешь, гля? Знаешь, малявка, что бывает с теми, кто берет чужое, гля?

В Длиарне все просто — если украл и тебя поймали, то лишаешься руки.

— Но дяденька, я больше не буду... мне есть... — заканючил мальчишка, пытается вырваться, но с таким же успехом он мог трепыхаться в закрытой пасти акулы, а ухо, он почти чувствовал это, да, превратилось в смятый листок между сильными корявыми пальцами.

— Но я добр, я отпущу тебя, — сказал страшный человек и отшвырнул Ардила прочь, как щенка.

Тот шлепнулся в склизкое и вонючее, и когда сообразил, что это куча рыбьих внутренностей, его едва не вывернуло,

несмотря на то, что в брюхе ничего не было. Под хохот обладателя цветной косынки и его приятелей он поднялся, сходил к морю, чтобы сполоснулся, и побрел дальше, пообещав себе, что этому громиле он обязательно отомстит.

Страх и боль в груди чуть подтаяли, тронутые огнем злобы.

У следующего баркаса удалось стянуть камбалу, и Ардил поспешно отбежал прочь — ножик у него есть, осталось собрать деревяшек, развести огонь, разделать и пожарить добычу. К тому времени, когда на пустынном участке берега рядом с Пальцем запылал небольшой костерок, а рыба тушка оказалась насажена на палочку, стемнело, и со всех сторон надвинулся мрак.

Мальчишка сидел, глядя в пляшущие багровые языки, и глотал слюни.

Слишком поздно сообразил, что к шуму волн присоединился другой равномерный звук — шорох шагов, затем ощутил, что рядом кто-то есть, и торопливо вскинулся, повернул голову. Трое вышедших к пламени пацанов постарше, лет двенадцати-тринадцати, одновременно заухмылялись, а самый крупный, с носом репкой и темными кудрями, открыл рот:

— Э, что у нас тут? Девчонка рыбу жарит?

Ардил знал, что он мелкий и худосочный, что копна светлых волос и большие глаза делают его похожим на девочку, и еще он понимал, что против этой троицы у него нет шансов. Но он не собирался просто так сносить насмешки и отдавать честно «заработанный» ужин, благо ухо, побывавшее в пальцах громогласного моряка, болело до сих пор.

— А что у нас тут? — спросил он, подражая кудрявому. — Тупой тролль и с ним два гоблина?

— Ах ты, килька сраная! — прорычал репконосый и ринулся на Ардила.

Тот попытался ударить первым, но получил в ухо так, что в голове зазвенело, покатился по песку, а когда вскочил, из волос на лицо посыпались песчинки, под рубахой закололо. Ярость накатила обжигающей волной, перед глазами все стало багровым, он вроде бы бросился на кудрявого...

и вскоре обнаружил себя в темноте неподалеку от костра, понял, что нос разбит, на губах кровь, а мешка с вещами нет.

— Э, стоговилось, налетай, — донеслось с той стороны, откуда тянуло запахом жареной рыбы.

Мальчишка поднялся и побрел прочь.

На ночлег он устроился под большой корзиной, найденной рядом с первым большим причалом, и подгрел под себя побольше песка, думая, что так будет теплее. Заснуть долго не удавалось, Ардил лежал, глядя в дырки между прутьев над головой, искал там знакомые звезды и мечтал, как отомстит обидчикам, которых за один день набралось довольно много.

Проснулся он от холода, а выбравшись из-под корзины, окунулся в густой, будто сметана, туман. Увидел, как баркасы отходят от берега, уплывают в дымку, в ту сторону, где из-за горизонта вскоре появится багровый, несущий тепло Ястреб Утра, и при мысли о вроде бы благом, но на самом деле равнодушном боге руки непроизвольно сжались в кулаки, а сердце наполнила черная глухая злоба..

Тревожное ожидание коснулось души Ардила в тот миг, когда ладонь его сомкнулась на шершавом, еще теплом кольце бублика, и в животе сжалось, кишки вспомнили о том, что последний раз в них что-то клали еще вчера. Азарт заставил кожу покрыться мурашками, мальчишка услышал нервное сопение друзей и ощутил, как в коленях возник привычный трепет, признак того, что скоро придется драпать.

— Стой, держи засранцев! — рявкнул торговец, но они уже бежали, удирали врассыпную, и каждый тащил в руке усыпанное маком сдобное сокровище, кусок хлеба, что позволит не умереть с голода хотя бы до завтра, а потом найти, заработать или утащить что-нибудь еще.

Ардил проскочил под телегой с сеном, промчался между двух палаток, где торговали глиняной посудой, и выскочил на Духовитый пяточок, прозванный так из-за вечного аромата пряностей. За год бездомной жизни мальчишка выучил рынок как собственную ладонь, и не только его, а и порт, и городскую стену, и нищие кварталы вдоль нее.

В центр он сунулся один раз и едва удрал тогда от стражников.

С Духовитого пяточка — в мясные ряды, где всегда полно народу... проскочить мимо Красного Быка, злобного мясника, чья морда напоминает коровью... поворот налево... и теперь можно пойти шагом, сделав вид, что этот бублик ты честно купил... хотя кто поверит, поэтому лучше шмыгнуть в укромный уголок за лавкой торговли целебными травами... тетушка Приятка женщина добрая и не погонит, даже если наткнется на него здесь.

Вот тут Ардил и увидел сокровище.

Оно валялось на земле, и в полумраке мерцало золотыми искрами — продолговатый кристалл размером и формой с фалангу мизинца, не выглядевший драгоценностью, но при этом притягательный настолько, что от него не удавалось отвести глаз.

— Ух, чтобы мне облезть! — воскликнул мальчишка.

Наверняка это выронил кто-то из покупателей тетушки Приятки, и если он вернется, обнаружит потерю, то обязательно заберет. Ардил огляделся, быстро нагнулся и, схватив кристалл, оказавшийся приятно теплым на ощупь, спрятал его за пазуху, после чего откусил большой кусок от бублика и принялся его с независимым видом жевать — попробуйте, докажите, что он чего-нибудь взял?

Нет, взял, конечно, но не какой-то там камушек.

Отдышавшись, мальчишка спрятался за старой полугнившей бочкой, как следует разглядел «сокровище», и оно показалось еще прекраснее, чем в первый миг — яркое, с крохотными огоньками внутри, приятно лежащее в руке. Нет, это он не отдаст никому, даже если капитан их стаи потребует кристалл себе — панцирь от краба ему, пусть сам найдет.

Ведь это не добыча, что должна делиться на всех?

Год назад, во время Великого Мора, поразившего всю Дельту, Ардил остался без родителей и сам едва не погиб — не от болезни, что получила название «серой коросты», а от голода. Добыть еду в Длиарне одинокому мальчишке, едва

перевалившему рубеж десяти лет, оказалось непросто — весь город, каждая улица и куча отбросов была поделена между нищими и побирuşками.

Но он уцелел, выжил и прибилсЯ к одной из уличных стай.

За обыкновение впадать в ярость во время драки и бросаться на врага не помня себя Ардила прозвали Бешеным и стали уважать. Он выучился жрать всякую дрянь, пробираться через стену там, где она не охранялась и обветшала, воровать все, что плохо лежит, искать ночлег в порту и на рынке, и он не забыл ни одной обиды, полученной в самые тяжелые первые дни после похорон мамы.

Он еще отомстит, припомнит всем, и так, что мало не покажется.

Дожевав бублик, он осторожно выглянул из-за бочки и, отряхнув руки, выбрался в переулок, что ведет к мясным рядам. Проводил завистливым взглядом неведомо как забредшего сюда наемника с мечом у пояса — вот бы стать таким большим и сильным — и зашагал по рынку. Нужно вернуться к месту сбора вовремя, а то Псяка уши оборвет, будь ты хоть три раза Бешеным.

Их стая собиралась у кабачка «Пузатая блоха», что на Рыночной улице.

У хозяина заведения, старого гнома Викри, было с мальчишками что-то вроде соглашения — он их не гоняет и подкармливает, а зимой, в самые холода, иногда и пускает ночевать, а они за это ведут себя тихо, к гостям не пристаюТ, да еще и следят, чтобы чужие не шалили: кошельки не «щипали», драк не затевали, не пытались стянуть лошадь с коновязи или мешок с телеги.

— Ты последний, малек, — сказал Псяка, когда Ардил появился у «Пузатой блохи».

Прозвище капитан стаи носил за привычку по-собачьи скалить зубы и злой нрав. Было ему почти пятнадцать, он выглядел крупнее, чем иной мужик, и подумывал о взрослой жизни — о том, чтобы пойти вышибалой в кабак в районе порта или наняться матросом на корабль, где всегда нужны сильные, неприхотливые и смышленные парни.

— Ну да... — неохотно признал Ардил.

— А опоздавших наказывают! — пропищал Сардик-Голова, кривой, тощий и вечно покрытый прыщами, всегда таскавшийся за Псякой хвостиком, после чего мерзко захихикал. — Что, Бешеный, подставляй жопку, проверим, девчонка ты или только похож, хи-хи-хи! Малек!

Из дверей «Пузатой блохи» вышли двое краснолицых пошатающихся купцов, судя по одежде, с дальнего запада, из-за Овлейской пустыни, что делит весь мир пополам, и мальчишки примолкли. И только когда гости Викири, оживленно спорившие о чем-то и даже грозившие друг другу кулаками, скрылись за углом постоянного двора, перепалка возобновилась.

— Ты ответишь за слова? — спросил Ардил, надвигаясь на Сардика. — А ну-ка?

Понятно, что Голова сдрейфит, а Псяка вступится за свою «рыбку-прилипалу», но лучше получить по башке, чем струсить, промолчать и признать, что ты и в самом деле «малек». Но капитан стаи лишь усмехнулся, наклонил голову к плечу, не спеша вмешиваться, и Ардил, чувствуя, что кровь вот-вот ударит ему в башку, торопливо предложил:

— Отойдем?

Да, Сардик старше и сильнее, но это не важно, зато он смелее, и он Бешеный.

Но Ардил забыл, что рыбы-прилипалы не плавают в одиночку, сделал еще шаг к Голове и запнулся о чью-то ногу. Шлепнулся на живот, по улице раскатился звонкий мальчишеский смех, а он вскочил, сжимая кулаки, и увидел ухмыляющуюся рожу Жирного Карася, толстого и ленивого пацана, «славного» тем, что он мог сожрать что угодно, даже падаль.

— Так, а это что? — спросил Псяка очень спокойно, а кто-то воскликнул «Ого!»

Ардил глянул вниз и увидел, что его «сокровище» выпало из-за пазухи.

— Это мое... — сказал он, уже понимая, что лишился находки, что такую чудесную вещь ему не отдадут, капитан

заберет ее себе и продаст на рынке, а на полученные деньги купит пива или потратит в веселом доме для матросов, где можно посмотреть, как девчонки раздеваются под музыку, хотя непонятно, чего в этом интересного и за что тут платить?

— У нас все общее, малек, — Псяка нагнулся, но Ардил оказался проворнее.

Он наклонился, и пальцы сомкнулись на кристалле, что сделался вдруг нестерпимо горячим. Странное ощущение возникло в центре живота — словно там напрягся мускул, какого раньше не было, возникло нечто подвижное, чем он мог шевелить, хотя никогда не догадывался, что у него есть эта штуковина, и что ей можно пользоваться.

Ардил поднялся и сжал кисть, ощущая, что «сокровище» крошится в ладони.

Мир вокруг стал на мгновение очень ярким, его заполнили отдельные, не связанные между собой картинки: оскал на лице Псяки, виден каждый зуб, играет молочными бликами; вытаращенные глаза Жирного Карася, белые, как у вареной рыбины; выезжающая из-за угла телега, на ней сидит возница в красной рубахе и зевает во всю пасть. Затем мальчишка задвигался будто сам по себе — непонятно зачем поднял левую руку и потрянул ей.

Замер от удивления, когда с пальцев сорвалось черно-голубое облачко.

— Ой! — воскликнул Сардик, а облачко накрыло физиономиию капитана и исчезло.

— Чо за хрень, малек? — рявкнул тот и ударил, но вместо знакомого всем мощного выпада, после которого вверх тормашками летели самые крепкие пацаны, получилось лишь вялое, неуверенное движение, так что Ардил, боровшийся с собственной слабостью, только пошатнулся и врезал в ответ, по уху, вложив в замах всю накопившуюся в сердце злость.

Сам еле устоял на ногах, но непобедимый доселе капитан осел наземь.

— Хрена се... — протянул Жирный Карась, и глаза его стали еще больше, чуть ли не с кулак каждый.

Ардил поднял руку и раскрыл ладонь, где вместо кристалла с искорками внутри осталась лишь черная пыль, напоминавшая сажу: сердце колотилось словно ненормальное, ноги дрожали, пот тек по лицу и спине, но он стоял, а Псяка лежал перед ним, ошеломленно моргал, держась за пострадавшее ухо, и в глазах его читались изумление и опаска.

Так смотрит матерый кобель на неожиданно показавшего зубы щенка.

— А я и не знал, что ты так умеешь! Здорово! Настоящая магия! — забормотал Кри-Святоша, проталкиваясь в первые ряды зрителей: когда-то он был служкой в большом храме Морского Орла, что у Старой площади, но его изгнали оттуда за воровство. — Отличное проклятие! Я когда еще в святилище телепался, видел, как главный жрец одного капитана проклял, и тогда..

Но его никто не слушал, все тарасились на Ардила.

— Проклятие? — спросил Псяка, медленно поднимаясь и с уважением глядя на того, кого еще недавно именовал «мальком». — Ну ты, Бешеный, даешь... Меня как изнутри шарахнуло, и по голове, и в поддых, так что еле устоял, а перед глазами помутилось... Когда только научился?

— Я умею! — хвастливо заявил Ардил.

Новый «мускул», с помощью которого удалось проделать колдовской трюк, никуда не делся, он по-прежнему чувствовал его. Вот только бы еще осознать, как именно им пользоваться, что делать, чтобы он сократился.. и при чем тут «сокровище», может быть, без него ничего не выйдет? Лучше сделать так, чтобы попробовать еще раз в одиночку, а сейчас укрыть все за бравадой, пустить стае пыль в глаза.

— Ну, чисто осьминог... — протянул Кри-Святоша, используя наивысшую для мальчишек Длиарна похвалу. — Если такую штуку в дело пустить, когда мы опять с «мокрыми» драться будем, вот это отлично, или лавочнику какому глаза отвести, это я понимаю... — болтать он мог бесконечно, а еще знал множество историй, легенд и сказаний, за что бывшего служку и держали в стае.

2. Жрица. Девять лет назад

Дерево у ворот было старым, а ствол наверху — расщепленным, похоже, когда-то в него попала молния. Сами ворота, забор и здание за ними выглядели на редкость обыденно — простые доски, черепица и тесаный камень, решетки в окнах, несколько печных труб.

Джадия почувствовала себя слегка разочарованной и покосилась на отца — туда ли они приехали? Но Вариал аб Хонек ободряюще сжал плечо дочери и уверенно постучал, так что створки качнулись на петлях.

— Сейчас, сейчас, — донесся противный дребезжащий голос, долетели шаркающие шаги, металлическое бряканье, и в приоткрывшейся щели обнаружился крохотный старичок в черном халате, неуловимо похожий на хищную птицу: брови взлет, острый нос, пристальный взгляд.

Джадии стало очень страшно, захотелось спрятаться за отца, укрыться за его надежной спиной. Старичок улыбнулся ей, не размыкая губ, и вопросительно посмотрел на старшего гостя.

Что творилось потом, девочка запомнила плохо — короткий разговор, затем их ведут внутрь, через огромный, заросший травой двор, в полутемной комнате происходит еще одна беседа, отец обнимает дочь, коротко целует и велит быть смелой и стойкой, не посрамить честь рода.

И вдруг Джадия осознала, что осталась наедине с ужасным старичком, а в комнате помимо него есть еще один мужчина, огромный и могучий, с повязкой на правом глазу и блестящей лысиной.

— Девчонка? — спросил он, глядя на нее оценивающе, словно на лошадь для верховой езды.

— Зато какая, — отозвался старичок, и голос его не дребезжал.

Это напугало девочку еще больше, захотелось убежать подалее от жутких людей или позвать папу. Но она вовремя вспомнила, что она не абы кто, а сама Джадия аб Хонек, до крови закусила нижнюю губу, и гордо вскинула подбородок.

А еще на память пришел день, случившийся полгода назад, когда она узнала, что вскоре покинет родной дом. Ее привели тогда к древней семейной реликвии — вышитом на шелке фамильном древе, оно уходило на десятки поколений в прошлое и начиналось во времена едва не легендарных.

— Смотри! — сказал тогда отец серьезно-нудным голосом, какой он использовал в торжественных случаях. — Твои предки были королями, они правили обширными землями, и враги трепетали перед ними!

Джадия это уже знала, чуть ли не с самого рождения ей прожужжали уши ее происхождением, благородством и древностью семьи. Но она слушала внимательно и терпеливо — понимала, что отец ничего не делает просто так, а значит, затевается нечто важное.

— Вот Факих Отважный, недруги страшились его имени, — продолжал отец, водя пальцем по толстому стволу и могучим ветвям, изображенным с помощью золотых и серебряных нитей. — Вот Ирза Неудачник, он потерял корону и трон, но сумел бежать, сохранить жизнь, а это для свергнутого правителя не так-то легко.

Девочка с трудом могла представить, как можно потерять корону и трон — разве что жить в таком огромном дворце, где тысячи чуланов, и засунуть в один из них, там оставить и забыть.

— И пришли узурпаторы, и заняли то, что наше по праву! — глаза Вариала аб Хонек сверкали, он размахивал руками, а глядевшая на него мама время от времени всхлипывала и подносила к глазам платок, хотя ничего грустного вроде бы не происходило.

— Ох, может, не надо? — спросила она, когда отец заявил, что «пора возвратить трон и корону», и в ответ получила предсказуемо гневный взгляд и сердитый взмах большой тяжелой руки.

— Сейчас такое время, когда есть возможность вернуть утраченное, и ей надо воспользоваться! — воскликнул Вариал аб Хонек. — Мы недостаточно богаты, чтобы нанимать

армии, видит Темный Жрец, но кое-какие сбережения у нас есть, и ими мы распорядимся с толком.

Присев на корточки, он положил ладони Джадии на плечи и, назвав ее «дщерь моя», что делал очень редко, принялся рассказывать о некоей «гильдии», куда девочке предстоит отправиться на учебу. Мама всхлинула еще раз, а затем и вовсе отвернулась, точно пыталась скрыть недостойные благородной женщины слезы.

— Но я не хочу ни в какую «гильдию»! — сказала Джадия, когда отец замолчал.

— И мы не хотим, чтобы ты туда отправлялась, — очень мягко проговорил Вариал аб Хонек, ничуть не рассердившийся, чего девочка очень боялась, — но вспомни о том, кто ты есть, о фамильной гордости, и о том, что ты получишь, вернув принадлежащее нам по праву то, что когда-то являлось нашим!

Да, Джадия не против была стать королевой — чтобы все ее слушались, красивое платье и корона, не нужно ничего делать, и каждый день, а не только по праздникам, можно есть любимые пирожные. Но она не желала покидать дом, оставлять подружек, маму, привычные игры и уезжать неизвестно куда и, похоже, что в другой город.

— Нет, не хочу, — повторила она и даже гневно топнула, что очень редко позволяла себе в присутствии отца.

Но он вновь не рассердился, его голос не стал холодным, как осенний ветер. Вариал аб Хонек заговорил о том, что она в любом случае будет вынуждена подчиниться, ибо таково веление самого Темного Жреца и его сестер, и вот тут-то девочка охнула и прижала руки ко рту.

Тем же вечером ее отвели в храм, не тот, куда они ходили вместе с соседями, с золотым диском на крыше, где толстый жрец с блестящей птицей на груди нараспев читал что-то, в а другой, тайный, о котором воспрещалось кому-либо говорить, и где бывали очень немногие.

Там в чаше вечно пылает Черный Огонь, и старый служитель, чьи волосы давно побелели, а спина согнулась, читает в нем знаки, посланные Темным Жрецом и его сестрами, чьи лики скрыты от смертных.

— Да, ей надлежит пойти этим путем и взять в руки то, что пересекает нить, — проскрипел он, окунув руки в пламя, по цвету напоминавшее крылья ворона. — Благословение их с тобой, девочка, и взгляд их будет на тебе.

С этого дня игры с кинжалом и метательными ножами стали проводиться не через день, как раньше, а ежедневно. Джадюю начали поить черной сладкой дрянью, от которой ныло все тело, особенно в животе, а еще много чаще, чем раньше, вывозить на прогулки верхом.

А неделю назад девочка забралась в седло, но не для того, чтобы выехать за пределы родного Локерна и сделать несколько миль по ближнему лесу. Плачущая мама осталась позади, а они с отцом и двумя слугами отправились по той дороге, что ведет за пределы не только города, но и всего Прихолмья.

И в конце концов Джадия очутилась в комнате с двумя жуткими мужчинами, огромным и старым, что пялились и пялились на нее, точно она невиданной красоты бриллиант или еще какое диво.

— Малышка, подойди сюда, не бойся, — велел обладатель повязки на глазу, поманив ее к себе, но в голосе его, несмотря на ласковое обращение, оказалось меньше тепла, чем в куске льда.

— Я не боюсь! — ответила Джадия, еще выше вздергивая подбородок.

— Горда и упряма, но врать не умеет, — старичок задумчиво потер подбородок. — Подойди к мастеру Нарди, пигалица, не стой, ведь за строптивость у нас наказывают. Папа тебе рассказывал, куда ты попадешь?

Отец всю дорогу, на каждой остановке не переставая говорил о том, какая редкая удача — попасть в школу гильдии, где ей предстоит освоить необычное и нужное ремесло, и там она научится тому, что не только позволит ей устроить свою жизнь, но и вернуть трон предков.

— Рассказывал, — вздохнула девочка, делая шаг к гиганту, которого называли «мастером Нарди».

Он протянул ручищу и необычайно осторожно, медленно и мягко ощупал ее плечи, заставил нагнуть голову